

С. Н. Кириллов, В. В. Мурзин-Гундоров
(Москва)

ВОСПОЛНЕНИЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
РОДА БОРАТЫНСКИХ ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ
Е. А. БОРАТЫНСКОГО В КАЗАНИ

Настоящая работа предполагает восполнить информативную базу и ввести в научный оборот впервые ранее неизвестные изображения из геральдического наследия семьи дворян Боратынских, находящиеся в собрании музея поэта Е. А. Боратынского в Казани. Исследование выделяет шесть предметов второй половины XIX – начала XX в. с элементами родовой дворянской геральдики этой фамилии. В работе крайне важное место занимает генеалогическая составляющая, поскольку она позволяет дать более точную атрибуцию изучаемых геральдических памятников с уточнением времени их создания с привязкой к конкретной личности.

Прежде чем перейти к теме нашего исследования, нельзя не упомянуть место, где хранятся интересующие нас предметы. Историческое здание музея, памятник архитектуры деревянного зодчества, который был построен на рубеже XVIII–XIX вв.

В настоящее время в здании городской усадьбы в Казани располагается литературный музей поэта Е. А. Боратынского, друга А. С. Пушкина и барона А. А. Дельвига. Более столетия, в XIX и XX вв., имя Дельвигов будет тесно переплетено с Боратынскими, их домом и музеем. Между тем сам поэт «золотого века русской словесности» Евгений Абрамович Боратынский (Баратынский) никогда в этом доме не жил. В 1869 г. первым владельцем дома стала семья его сына Николая Евгеньевича. Далее, вплоть до 1918 г., дом принадлежал трем поколениям этой древней дворянской семьи. Именно поэтому овеянный литературным гением дом по справедливости можно назвать домом Боратынских. В советский период истории в стенах казанской городской усадьбы размещалась средняя общеобразовательная школа № 34, при которой и начал складываться школьный музей. Его открытие произошло в 1977 г. Помнившие дореволюционный дом Боратынских жители Казани передавали в дар предметы, связанные с историческим прошлым этой семьи.

Как уже говорилось, настоящее исследование выделяет шесть ранее неизвестных предметов геральдического наследия второй половины XIX – начала XX в. с элементами родовой дворянской геральдики фамилии Боратынских: барельеф лепного герба Боратынских в Белом зале; герб Боратынских на шкатулке; графический набросок классического герба Боратынских; эскиз с гербом Боратынских без намета над дверным проемом; вариативный эскиз с испанским щитом герба Боратынских; эскиз карниза над дверным проемом с гербом Боратынских.

Ил. 1. Барельеф лепного герба Боратынских в Белом зале. 1869.
Музей Е. А. Боратынского. Филиал Национального музея Республики Татарстан

С 1865 г. у сына поэта, Николая Евгеньевича Боратынского, началась весьма заметная общественная деятельность в Казанской губернии, впоследствии продолжавшаяся более тридцати лет. Он был и уездным предводителем дворянства, и председателем попечительского Совета Мариинского училища. Будучи человеком семейным, женатым с 1864 г. на Ольге Александровне Казем-Бек, он в 1869 г. приобретает городскую усадьбу в Казани. Не исключено, что именно в этот период классицистический декор стен Белого зала получает геральдическое оформление с родовым дворянским гербом фамилии (ил. 1). Гипсовые барельефы монохромной лепнины с гербами расположены в верхней части двух противоположных стен непосредственно под потолочным плинтусом зала. Геральдический декор сохранился без изменений до настоящего времени. Расчистка лепнины не выявила никаких следов возможных цветовых решений, финифтей и эмалей.

Употребление в убранстве интерьера изображения фамильного герба сочеталось с убеждениями Николая Евгеньевича, которого считали приверженцем консервативных взглядов, видевшим в дворянском сословии оплот российской государственности. Классовые воззрения представителя XV поколения рода идеологически укладывались в представление о необходимости сохранения в империи поместного дворянства. О чем свидетельствуют, в частности, написанные им статьи.

Нельзя не отметить, что заказчик лепного геральдического декора лепнины Белого зала умышленно подчеркнул польские истоки происхождения фамилии. Национальный генеалогический компонент просматривается в форме геральдического щита. Стены украшает вариант, более характерный для польского герба¹. В бытовом использовании заказчик предпочел польский щит в противовес каноническому французскому.

В остальном контурно барельефы гербов, за некоторым исключением, не противоречат блазону и графическому рисунку из «Общего гербовника», где фамилия упомянута как «Баратынские»².

Согласно тексту источника, «в щите, имеющем красное поле, горизонтально изображены три серебряные Реки. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою Короною, на поверхности которой видна Собака, сидящая в ковше. Намет на щите красный подложенный серебром». В варианте герба «Общего гербовника», собака с пригнутыми передними лапами из клейнодной части герба сидит скорее не в ковше, а в чаше, и смотрит влево. В тексте нет уточнения формы геральдического щита. Там же, в варианте «Общего гербовника», щит четырехугольный французский с заостренным основанием, тогда как на барельефе щит польский. Обычно щит герба «Корчак» изображают четырехугольным с круглым основанием, он известен как испанский щит.

Также в «Общем гербовнике» не уточнено, в какую сторону повернута собака в клейноде наверху герба. На лепном варианте из Белого зала сидящая в чаше собака повернута вправо. Заметим, что правое – отзеркаленное направление поворота собаки характерно и для базового прототипа герба рода Боратынских – герба «Корчак».

Визуально в классическом варианте герба Боратынских в щите три горизонтальные серебряные реки выглядят в виде трех белых балок или брусков, помещенных в червленом поле щита. Вверху геральдического щита располагается самая длинная из них. Ниже – средняя, она короче верхней. Под ними – самая короткая нижняя река.

На барельефе длина рек щита не соответствует утвержденному варианту «Гербовника». Верхняя – средней длины, средняя – самая длинная, нижняя короче предыдущих.

Нельзя не упомянуть, что герб рода Боратынских – живое свидетельство «гербового родства» на примере принадлежности фамилии к гербу «Корчак». По нашим подсчетам, эту эмблему использовали в разное время примерно 271 дворянский род. Из них – 200 родов в Польше, 71 род на территориях современных государств: России, Беларуси, Украины и Литвы. Из вышеперечисленных семей данный герб был у четырех графских фамилий. Помимо прочего, еще 19 родов использовали измененный вариант герба. «Корчак» представляет собой зримое свидетельство того, как в Речи Посполитой геральдика шляхетского рода укладывается в рамки традиции корпоративной принадлежности. Эти фамилии не состояли в генетическом родстве от общего прародителя, однако они объединялись под общим гербом.

За столетия по поводу происхождения и интерпретации визуальной конкретики содержимого в поле щита успел сформироваться целый ряд версий. Одну из них, наиболее устойчивую, можно назвать географической. Если мы говорим про род, восходящий своими корнями к Речи Посполитой, то для подтверждения шляхетских прав фамилии вполне закономерно базироваться на исследованиях богатого материала предшественников-геральдистов и генеалогов этого государства. В частности, в своей работе мы обратились к гербовнику польского историка Каспера Несецкого (конца XVII – первой половины XVIII в.). Солидный труд содержит генеалогические и геральдические материалы из государственных и частных архивов. В XIX в. он был дополнен и опубликован в десяти томах Яном Непомуценом Бобровицем в Лейпциге (1839–1845). «Гербовник Польский» получил статус солидного документального источника.

Согласно версии гербовника Несецкого, фамилию Боратынских следует относить к трем гербовым корпорациям: герба «Остоя»³, герба «Топор»⁴ и герба «Корчак»⁵.

Отметим, что исследуемые нами представители семьи Боратынских герба «Корчак» состояли в родстве с однофамильными им армигерами герба «Топор»⁶. Они происходили от княгини Анны Васильевны Пшездзельницкой (урожденной Боратынской), потомков ее второго брака с Матвеем Николаевичем Краснопольским герба «Топор». Предок Боратынских герба «Корчак» владелец имения Ханковичи Степан Иванович, представитель IV колена, доводился княгине двоюродным братом. Он же впоследствии и унаследовал родовой замок фамилии Боратынь, построенный их прадедом коронным подскарбием Королевства Польского Дмитрием Божидаром. Традиционно считается, что транслитерация названия замка дословно читалась, как «Божья оборонь». Следующие представители V поколения рода, уже в середине и второй половине XIV в., стали писаться «de Boratyn»⁷. Про родовой замок известно, что он существовал в начале XIX столетия и находился в собственности польской семьи Стадницких. Данное родовое владение не стоит смешивать с именем Боратынец-Лядзкий, сохранявшееся в собственности другой ветви, потомков Александра Петровича Боратынского вплоть до 1788 г. От его младшего брата Ивана Петровича, прапрапрадеда поэта, происходят казанские Боратынские⁸.

События, связанные с интересующей нас ветвью семьи и возникновением их герба, К. Несецкий возводит ко времени вождя гуннов Атилы и его сподвижнику Зоарду, жившему в V в. Он же разбил вражеские войска в битвах около рек: Дуная, Савы и Тисы. Согласно сложившейся традиции, три серебряные полосы в щите герба символизируют эти самые реки. Собака же в напьемнике – местного жестокого правителя, свергнутого Зоардом. Оставив в стороне фантазийную составляющую, напомним, что уже во второй половине XIV в. род Боратынских существовал и имел герб. Более поздним наслоением можно назвать собаку в клейноде. Ее появление следует отнести к периоду XV в. В повествовании Несецкого, речь идет о территории, где впоследствии было образовано Венгерское королевство. Почти о том же, но уже в середине XIX в., говорит и А. Б. Лакьер, приписывая «Корчак» князьям Славонии, через которых герб изначально попал в Венгерию и далее в Польское королевство⁹.

Если посмотреть на географическую карту, то реки Сава и Тиса являются притоками Дуная, второй по длине реки в Европе. Водосборные территории притоков образуют достаточно обширную область на севере Балканского полуострова. В том случае, если бы их изображали на гербе буквально, то две короткие полосы должны были бы соединяться под углом с длинной, а не идти параллельно. Приняв реальность миграции и заимствования символов, как и схематичность передачи изображения местности рек, мы допускаем возможность на существование географического контекста, как версии возникновения герба.

Геральдика рода Боратынских в конце XIX столетия в коллекции музея представлена предметом, имеющим отношение уже к следующему, второму поколению семьи, проживающей в Казани, – внуку поэта Александру Николаевичу, представителю XVI колена.

Изображение фамильного герба присутствует на крышке шкатулки. Судя по году «1891», выполненному, как и герб, накладной резьбой, ее создание имеет прямую связь с матримониальным событием, случившимся в семье 15 сентября 1891 г., – бракосочетанием Александра Николаевича Боратынского и Надежды Дмитриевны Шиповой (ил. 2).

Ил. 2. Крышка шкатулки с гербом Боратынских.
Дерево; накладная резьба, интарсия. 1891. Инв. № КМГ КП-32830/42.
Национальный музей Республики Татарстан

Ил. 3. Герб Боратынских на шкатулке
(фрагмент). Дерево; накладная резьба,
интарсия. 1891. Инв. № КМГ КП-32830/42.
Национальный музей Республики Татарстан

Основная композиция герба представляет классический вариант из «Общего гербовника». Здесь нет никаких намеков на польский щит и отхождения от стандартов утвержденного образца (ил. 3). Кроме девизной ленты, размещенной непосредственно в нижней части герба под самим щитом. Резная лента содержит латинские литеры: «Boh ratuj».

Можно предположить, что текст лент намекает на свадебные события в видоизмененной форме фамилии Боратынских. Перевод с польского имеет два прочтения: «Боже, храни меня» или «Бог спасает». Лексема, характерная для разницы в правописании, может также намекать и на название родового замка Боратынь, «Божья оборонь», в том числе на фамильное имя de Boratyn, употребляемое представителями II поколения семьи в XIV столетии.

В клейнодной части нащлемника утрачен фрагмент накладной резьбы с собакой. Также в поле щита утрачены условные изображения рек. Едва заметные контуры

несохранившихся накладок резьбы дают возможность угадывать их прежнее расположение. В настоящее время, ввиду недостаточной сохранности, музейный предмет находится на консервации.

Отрывочные документальные свидетельства рубежа XIX–XX вв. позволяют предположить, что в этот период времени внутренний декор интерьера усадебного дома был переформатирован. Об изменениях, направленных в сторону герольдизации убранства, свидетельствуют датируемые началом 1900-х гг. листы заметок из тетради Александра Николаевича Боратынского (ил. 4–7).

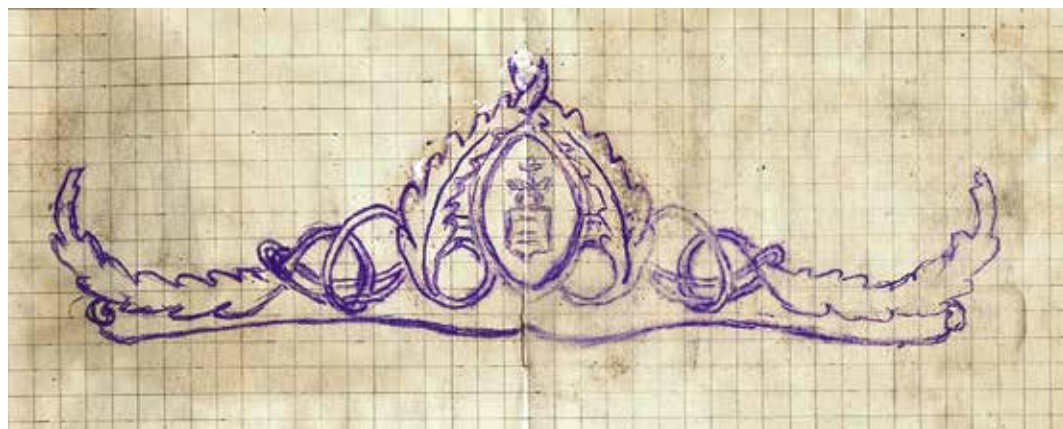
Несомненно, что эскизы рисунков выполнены рукой хозяина дома. В графических набросках четко проступает отрицовка фамильного герба на декоративных элементах интерьера. Беглая черновая графика с фамильным гербом зримо подчеркивает искание автора в пользу выбора геральдической композиции.

По краям французского щита еще виден традиционный намет (ил. 4). На листах следующих отрисовок наверший дверного проема автор полностью отказывается от традиционного намета (ил. 5). На одном из эскизов меняет форму геральдического щита с французского на испанский (ил. 6).

Ил. 4. Графический набросок классического герба Боратынских. Начало 1900-х.

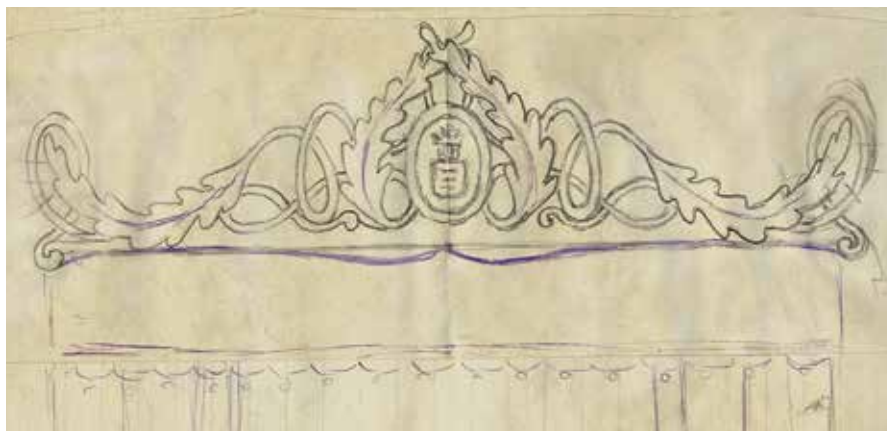
Лист из тетради с заметками
А. Н. Боратынского. Инв. № КМГ КП-32827/542.
Национальный музей Республики Татарстан

Ил. 5. Эскиз с гербом Боратынских без намета над дверным проемом. Начало 1900-х.

Лист из тетради с заметками А. Н. Боратынского. Инв. № КМГ КП-32827/542.

Национальный музей Республики Татарстан

Ил. 6. Вариативный эскиз с испанским щитом герба Боратынских. Начало 1900-х.
Лист из тетради с заметками А. Н. Боратынского. Инв. № КМГ КП-32827/542.
Национальный музей Республики Татарстан

Ил. 7. Эскиз карниза над дверным проемом
с гербом Боратынских. Начало 1900-х.
Лист из тетради с заметками
А. Н. Боратынского.
Инв. № КМГ КП-32827/542.
Национальный музей Республики Татарстан

В некоторых из набросков угадываются карнизы для штор над портьерами дверных проемов внутренних помещений дома (ил. 7).

Предположительно, эти рисунки из тетради Александра Николаевича Боратынского 1900 – начала 1910-х гг. и предназначались для убранства Белого зала. О том, что они реально существовали и погибли в послереволюционный период, утвердительно свидетельствуют две сохранившиеся художественные работы начала XX в. Оба произведения созданы в период 1914–1916 гг. В 1916 г. их представляли на выставке «Художественные сокровища Казани». Произведения доносят интерьеры Белого зала.

Первая из художественных работ – «Старая усадьба» кисти русского и советского живописца Павла Александровича Радимова ученика Н. И. Фешина, несколько лет назад промелькнула на одном из аукционов. Ее датируют временем проведения выставки – 1916 г. На полотне отчетливо виден герб в декоре карниза над дверным проемом. В настоящее время местонахождение произведения, попавшего в частную коллекцию, неизвестно.

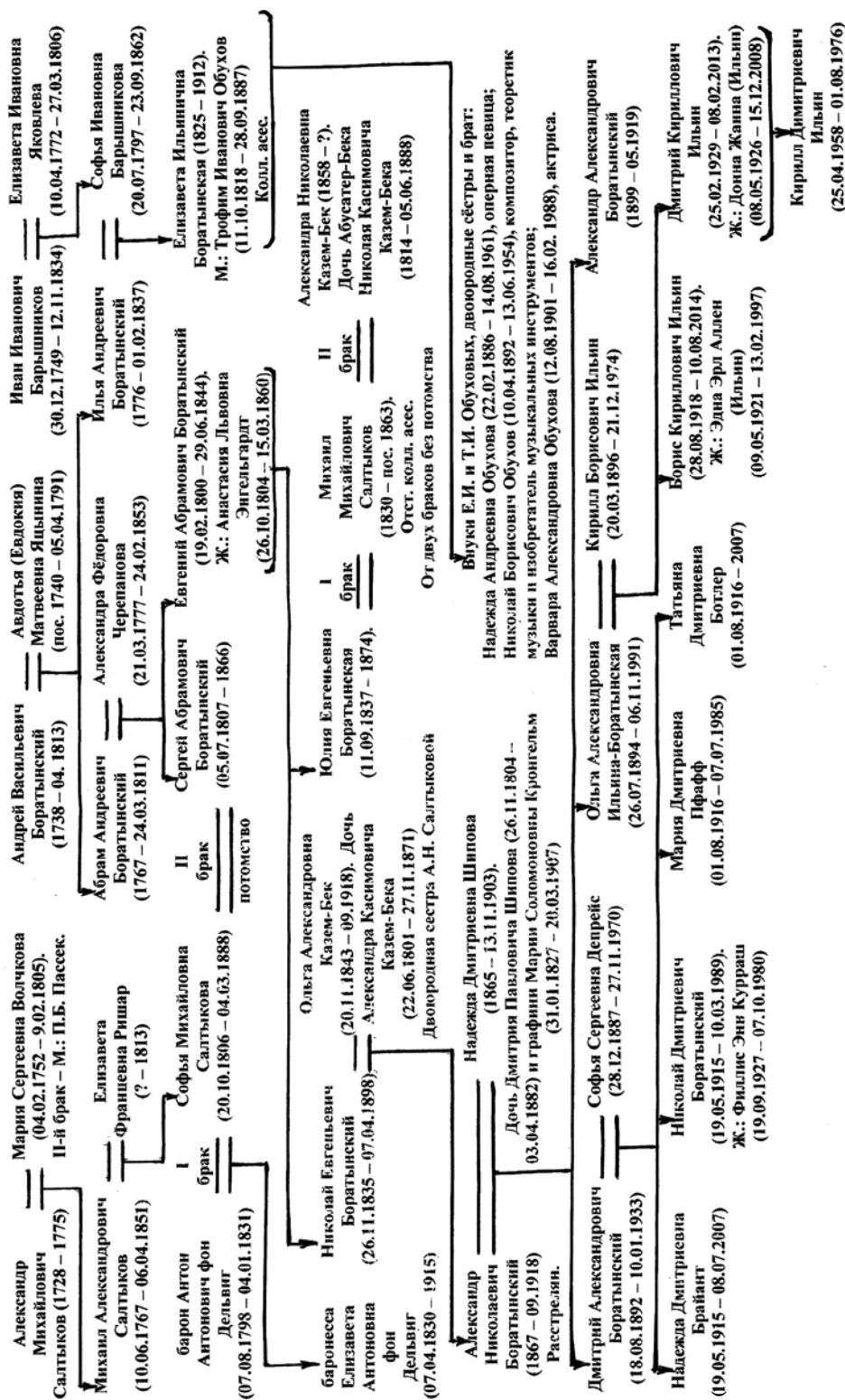

Ил. 8. А. А. Боратынский. 1916. Казань. Холст; масло.
Частное собрание

Второе художественное произведение, датируемое 1916 г. и подтверждающее существование герба семьи в декоре карниза над дверным проемом, принадлежит кисти представителя третьего поколения Боратынских, живших в усадебном доме (ил. 8).

Это юный правнук поэта – Александр Александрович, представитель XVII поколения династии. В его живописной работе, находящейся в частном собрании, условное изображение герба просматривается в декоре Белого зала. Несколько лет назад произведение экспонировалось на одной из выставок в подмосковной усадьбе Мураново.

Родословная таблица: отдельные родственные связи семьи дворян Боратынских

Ил. 9. Родословная таблица: отдельные родственные связи семьи дворян Боратынских.

Автор-составитель В. В. Мурзин-Гундоров

В нашем исследовании важное место занимает генеалогический аспект (ил. 9). Изучение родственных связей семьи Боратынских и их окружения позволяет дать более точную атрибуцию памятников, несущих геральдическую нагрузку. Это дает возможность аргументировать, уточнить время, место их создания и личность, с которой было связано интересующее нас событие, для последующей атрибуции.

В случае с Боратынскими родовой утверждённый вариант герба в бытовой практике, посредством потребностей, вкусов и веяний эпохи, а также отдельных личностей из фамилии, подвергался изменениям. По факту, проецируясь на ту или иную основу, усваивал новые нюансы индивидуальности, становясь предметом частного герботворчества. Подобную живую динамику жизнедеятельности герба зримо демонстрируют введенные в научный оборот экспонаты из музейного собрания музея Е. А. Боратынского, являющегося филиалом Национального музея Республики Татарстан.

В стенах усадебного дома сложилась коллекция предметов геральдического наследия. В основном это вещи из фамильного столового серебра второй половины XIX в., печати-штампы, шкатулка, листы с эскизами карнизов, оттиски с гербами с печати и другие предметы. Они происходят не только из самой семьи Боратынских. Вещи в коллекции, помимо их родового герба, несут геральдическую символику родов баронов фон Дельвиц, дворян Кроль и других семей, имеющих тесные родственные связи с хозяевами городской усадьбы¹⁰.

¹ Мурзин-Гундоров В. В. Эволюция родового герба династии князей Мещерских на примере трех ветвей фамилии // ТГЭ. 2019. [Т.] 98 : Геральдика: исследование и практика : материалы науч. конф., посвященной памяти Сергея Николаевича Тройницкого, 20–22 февраля 2018 года. С. 145.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 4. СПб., 1799. С. 116.

³ *Niesiecki K.* Herbarz Polski / Wyd. J. N. Bobrowicz. Т. 1–10. Lipsk, 1839–1845. Т. 2. 1839. С. 237.

⁴ Там же. С. 237–238.

⁵ Там же. С. 235–237.

⁶ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. Т. 1. СПб., 1886. С. 157.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 274.

¹⁰ Мурзин-Гундоров В. В., Кириллов С. Н. Опыт атрибуции предметов геральдического наследия семьи баронов фон Дельвиц из собрания музея Е. А. Боратынского в Казани // ТГЭ. 2024. [Т.] 120 : Геральдика: исследование и практика : материалы науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Петра Ивановича Белавенца, 20–22 февраля 2023 года. С. 190–198.